Особенности принудительного выкупа как способа прекращения корпоративных прав и специфика средств защиты миноритарных акционеров

Шелунцова Алина Олеговна
студентка бакалавриата «Право», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», sheluntsova04@mail.ru

Несмотря на то, что институт принудительного выкупа акций появился в российском законодательстве почти 20 лет назад, его применение попрежнему сопряжено с теоретическими и практическими проблемами и противоположными позициями судов по фундаментальным вопросам. Главных из них, по нашему мнению, два: какая правовая природа у принудительного выкупа, а также как эффективно защитить права вытесняемых миноритарных акционеров? В статье рассматривается принудительный выкуп акций миноритарных акционеров как способ прекращения корпоративных прав и концентрации корпоративного контроля. Цель настоящей работы – определить актуальные и возможные способы защиты вытесняемых акционеров при принудительном выкупе акций по российскому праву. Анализируются экономическое и правовое обоснование института принудительного выкупа, его правовая природа, соотношение с законной экспроприацией и договором купли-продажи, заключаемым в силу закона. Особое внимание уделяется российской и зарубежной судебной практике, а также средствам защиты вытесняемых акционеров. Делается вывод о преобладании в российском праве *ex post* модели защиты, основанной на иске о возмещении убытков, и о потенциале предварительного судебного определения справедливой цены выкупа.

Ключевые слова: принудительный выкуп акций, миноритарные акционеры, корпоративный контроль, справедливая компенсация, средства защиты.

Введение

Принудительный выкуп акций миноритарных акционеров представляет собой один из механизмов концентрации корпоративного контроля и прекращения публичного статуса акционерного общества. В российском праве данный институт закреплен в ст. 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – «Закон об АО») и направлен на правовое оформление ситуации, при которой контроль над обществом фактически уже сосредоточен у одного акционера. Его существование обычно обосновывается потребностью в снижении издержек, преодолении проблемы фрирайдерства и упрощении корпоративной реорганизации после установления контроля.

Вместе с тем принудительный выкуп затрагивает фундаментальные вопросы гражданского и корпоративного права, поскольку предполагает прекращение корпоративных прав помимо воли акционера. Это обусловливает необходимость определения правовой природы данного механизма, его места среди оснований прекращения права собственности, а также оценки достаточности средств защиты вытесняемых акционеров. Особую значимость приобретает анализ того, обеспечивает ли действующая российская модель баланс между интересами контролирующего акционера и имущественными правами миноритариев.

1. Обоснование механизма принудительного выкупа и его место среди оснований прекращения права собственности

Институт принудительного выкупа был известен некоторым зарубежным правопорядкам еще в середине XX века.

Впервые предложение о его законодательном закреплении было сформулировано в 1926 г. в Великобритании в докладе Комитета по реформе корпоративного права. Комитет рекомендовал предоставить лицу, приобретшему не менее 90% акций в результате публичного предложения, право требовать принудительной передачи оставшихся акций на тех же условиях. Данная рекомендация была реализовала в *Companies Act* (1929) и в *City Code on Takeovers and Mergers* (1968), установившего основные принципы осуществления поглощений, в том числе принцип равного отношения к акционерам [6, с. 19-29].

В США механизм институционализирован через § 253 *Delaware General Corporation Law*, который с ранних редакций (1967 г.) предусматривал возможность проведения «*short-form merger*»: при владении материнской компанией не менее 90% акций дочерней компании слияние осуществлялось без одобрения остальных акционеров [20, с. 340-341].

Во Франции принудительный выкуп возник как инструмент публичного права. Механизм «*retrait obligatoire*» был впервые закреплен в постановлении *Commission des opérations de bourse* (1989), регулирующем рынок ценных бумаг, которое предусматривало возможность инициирования выкупа после публичного предложения в случае контроля над ≥ 95 % капитала [23, с. 491-528].

Современное регулирование принудительного выкупа связано с принятием в 2004 году Директивы Европейского Парламента и Совета Европы 2004/25/ЕС «О предложениях по поглощению» (далее – «Директива»).

Российское оформление приобретения крупных пакетов акций не имело предварительного этапа и принималось в ходе дискуссий [7]. В соответствии с общим мнением российских авторов, предложенное в законе регулирование в целом соответствует подходам Директивы, но имеет свои особенности [5; 15].

Обоснование возможности принудительного выкупа содержится в монографии С.В. Гомцяна, который связывает этот механизм со снижением издержек контролирующего акционера и с преодолением проблемы фрирайдерства. Ее суть состоит в том, что миноритарии могут отказаться от продажи акций, рассчитывая извлечь выгоду из роста их стоимости. Это снижает стимулы к поглощению, тогда как принудительный выкуп позволяет консолидировать капитал

и повышает мобильность рынка корпоративного контроля [2; 7, с. 37-38, 170-172; 14].

Но даже после концентрации контроля миноритарии сохраняют корпоративные права, включая право на информацию и оспаривание корпоративных решений [16], что увеличивает издержки мажоритария и объясняет потребность в принудительном выкупе.

Итак, даже обладая абсолютным контролем, мажоритарий сталкивается с необходимостью учитывать интересы миноритариев, что стимулирует законодательное закрепление процедуры принудительного выкупа для упрощения передачи контроля и реализации новой стратегии управления компанией.

С точки зрения общегражданских оснований прекращения права собственности принудительный выкуп может рассматриваться через призму прекращения отношений общей собственности, которая в вещно-правовой логике, реконструированной К.И. Скловским, носит исключительный характер и стремится к преобразованию в личную [17, с. 254-260]. Нормативным выражением этой идеи выступает п. 4 ст. 252 ГК РФ, допускающий судебное прекращение права на незначительную и невыделимую долю с выплатой компенсации независимо от согласия собственника.

Дополнительным обоснованием принудительного выкупа служит теория разделения контроля и управления в публичной корпорации: при возврате контроля к мажоритарию эти функции вновь объединяются, а миноритарии, лишенные возможности влияния, получают право на выход с компенсацией, включающей часть премии за контроль [22].

Хотя принудительный выкуп не подпадает прямо под основания прекращения права собственности (глава 15 ГК РФ), по своим последствиям он близок к законной экспроприации: право прекращается независимо от воли собственника, но с выплатой компенсации [10, с. 157-172].

Механизм вытеснения акционеров по ст. 84.8 Закона об АО можно описать идентично, за исключением того, что выкупает акции такой же акционер – субъект частного права. Помещение принудительного выкупа в контекст гражданского права важно для распространения принципов автономии воли и недопустимости вмешательства в частные дела, включая запрет принудительного заключения договора, если иное не предусмотрено законом, а также для системного толкования правил о выкупе и о применении способов защиты, которые сводятся к спору о цене выкупа, а не о его обоснованности. Также указанное сходство подчеркивает отсутствие воли акционера при принятии решения о выкупе.

Кроме того, квалификация принудительного выкупа как односторонней сделки [11] не бесспорна, поскольку одностороннее волеизъявление мажоритария порождает возмездный переход права собственности. Поэтому точнее представляется квалификация данного механизма как договора купли-продажи акций, заключаемого в силу закона. В такой конструкции заявление о выкупе является акцептом (ст. 438 ГК РФ): оно тоже является односторонним, но порождает договор – двустороннюю сделку.

2. Оценка принудительного выкупа высшими судами

Зарубежные и российские суды признают допустимость принудительного выкупа как ограничения права собственности при наличии справедливой компенсации и эффективной защиты миноритариев.

Конституционный суд Хорватии в деле *SIEMENS AG Osterreich*, указал, что миноритарий в отношении стоимости своей доли обладает имущественными, а не управленческими правами. Суд признал принудительный выкуп соответствующим принципу верховенства права, поскольку его законной целью является регулирование рынка капитала. Кроме того, императивные условия выкупа защищают крупного акционера от потенциальных манипуляций со стороны миноритариев [24, с. 159-180].

К аналогичным выводам пришел Федеральный Конституционный Суд ФРГ. В решении по делу *Feldmühle* суд признал, что законодатель вправе определять содержание и пределы права из акции, включая ограничения миноритариев, вытекающие из принципа большинства, при условии справедливой компенсации.

Кассационный суд Франции также признал принудительный выкуп допустимым способом прекращения корпоративных прав. В одном из дел суд указал, что принудительный выкуп – это экспроприация, разрешенная законом, которая остается принудительной передачей права собственности при условии установления компенсации компетентными органами. В другом суд обратил внимание, что акционеры должны получить справедливую компенсацию, рассчитанную по установленным законом методам, а переход собственности осуществляется в целях общественного интереса.

Французские авторы обращают внимание, что понятие компенсации (*indemnité*) отличается от понятия цены (*prix*), и вытесняемый акционер получает за акции не цену, поскольку это не добровольная сделка, а компенсацию [25, с. 334-338]. Кроме того, справедливость компенсации в некоторых случаях может предполагать даже превышение цены выкупа над рыночной ценой акций, поскольку выкуп опосредует выплату премии за контроль, которая с учетом принципов пропорциональности и равенства прав контролирующего и вытесняемых акционеров должна распределяться также на последних [28].

Суды штата Делавэр придерживаются позиции, что сделки по выкупу подлежат судебному контролю, а у мажоритарных акционеров есть обязанности при проведении выкупа в ходе слияний (*merger bids*) и публичных предложений (*tender offers*). Принудительные *tender offers* подлежат проверке по стандарту «полной справедливости» (*entire fairness*), включающему (1) добросовестность сделки (*fair dealing*), т.к. сделка должна быть близка к рыночной, и (2) справедливость цены (*fair price*), которая предоставляет несогласным акционерам право на оценку (*appraisal right*) [21, с. 6-7].

Европейский суд по правам человека также занял благосклонную позицию в отношении принудительного выкупа. Еще в 1982 году Комиссия пришла к выводу, что такой выкуп не образует «лишения собственности» в смысле ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, поскольку затрагивает отношения между частными лицами, а не экспроприацию со стороны государства. Следовательно, ЕКПЧ в части ограничения собственности не применяется [24, с. 159-182].

Интересно поместить в сравнительно-правовой контекст серию определений Конституционного Суда РФ 2007 года, в которых суд занял созвучную европейским судам позицию.

С одной стороны, КС РФ подтверждает конституционность механизма принудительного выкупа как «способа упорядочения объективно протекающих процессов концентрации капитала».

Вместе с тем КС РФ распространил на принудительный выкуп ранее сформулированный подход, по которому принудительное отчуждение имущества допустимо не только для государственных нужд, но и в целях «общего для акционерного общества блага», при условии предварительного и равноценного возмещения и наличия эффективных средств защиты интересов миноритариев. Данная позиция представляет расширение гарантий права собственности до уровня ч. 3 ст. 35 Конституции РФ и фактически превосходит по уровню защиты ЕКПЧ в толковании Комиссии.

Применительно к принудительному выкупу КС РФ исходит из того, что судебный контроль должен охватывать не только проверку цены выкупа и наличия убытков, но и оценку обстоятельств, способных свидетельствовать о существенном нарушении закона или злоупотреблении правом и тем самым влиять на справедливость компенсации. Такой подход корреспондирует позиции КС РФ и ВС РФ, квалифицирующих вытесняемых акционеров как слабую сторону соответствующего правоотношения. В российских условиях эта квалификация представляется обоснованной вследствие разобщенности миноритариев и отсутствия развитых *ex ante* средств защиты [21, с. 9].

Таким образом, высшие судебные инстанции, с одной стороны, признают неизбежность принудительного выкупа, с другой стороны, единообразно указывают на необходимость действенных гарантий прав вытесняемых акционеров – слабой стороны, а именно – справедливой компенсации, распределения премии за контроль и прозрачных правил определения такой компенсации.

3. Критика механизма принудительного выкупа

Правило вытеснения миноритарных акционеров имеет и существенные недостатки.

В условиях разобщенности миноритариев и отсутствия координации между ними покупатель получает возможность формировать условия публичной оферты в ситуации переговорного неравенства. Неизбежность последующего выкупа ослабляет переговорную позицию миноритарных акционеров [7, с. 38]. Тем самым механизм, призванный преодолеть проблему фрирайдерства, создает риск перераспределения корпоративной выгоды в пользу контролирующего акционера.

Вместе с тем квалификация вытесняемого акционера как слабой стороны соответствующего правоотношения [1, с. 20-29; 19, с. 42-47] позволяет выстроить адекватную модель его защиты. В частноправовой логике признание участника слабой стороной влечет повышенные гарантии, направленные на выравнивание его переговорных возможностей. Общей формой такой защиты выступает последующий судебный контроль несправедливых условий сделки [9; 13]. В российском праве эта модель выражена, в частности, в ст. 10 и 428 ГК РФ, которые в их судебном истолковании допускают изменение несправедливого условия, признание его ничтожным либо отказ в его применении в случае несправедливости в конкретных обстоятельствах.

Наряду с этим возможны и механизмы предварительной защиты: императивные нормы [13] и судебное разрешение спора об урегулировании разногласий при заключении договора.

При рассмотрении принудительного выкупа в данной парадигме получается, что вытесняемому акционеру в российском праве доступна только защита *ex post*. Разрешая иск об убытках из п. 4 ст. 84.8 Закона об АО, суд фактически изменяет условие о цене выкупа по правилам п. 2 ст. 428 ГК РФ.

Однако сохраняется проблема, на которую обратили внимание эксперты Банка России, указывавшие на недостаточность действующей защиты и на целесообразность предварительного судебного контроля за процедурой вытеснения. В существующей модели миноритарный акционер располагает лишь одним эффективным средством защиты – иском об убытках вследствие неправильного определения цены выкупа. Отсутствие *ex ante* процедур означает, что контроль за соблюдением предпосылок выкупа и справедливостью цены в значительной мере переносится на стадию после прекращения корпоративных прав.

Следовательно, хотя принудительный выкуп способствует преодолению фрирайдерства и повышению мобильности рынка корпоративного контроля, его допустимость предполагает наличие действенных гарантий имущественных интересов миноритариев.

4. Специфика средств защиты

Иск об убытках остается единственным возможным способом защиты вытесняемых акционеров. По замечанию Т.С. Бойко, эта модель восходит к американскому *appraisal remedy*: бывший акционер может довзыскать убытки, не оспаривая действительность самого вытеснения. Однако в российских условиях ее эффективность снижена из-за закрытой структуры капитала многих формально публичных обществ и связанной с этим сложности оценки справедливой цены [3; 4].

На начальном этапе применения данных норм акционеры пытались оспаривать сам выкуп как недействительный. Однако Президиум ВАС РФ указал, что отсутствие экспертизы отчета оценщика при отсутствии уполномоченных СРО не влечет недействительности выкупа.

Хотя эта позиция была сформулирована применительно к прежней редакции закона, суды восприняли ее как общий подход [7]. Как отмечает Д.И. Степанов, с этого момента в исках акционеров о недействительности выкупа стали отказывать [18, с. 80-129]. Успешных примеров признания выкупа недействительным, как и оспаривания сделок, порождающих право на выкуп, в судебной практике нет по сей день. В результате защита миноритария фактически сведена к иску об убытках, причем между утратой акций и восстановлением прав могут пройти годы.

Истцы могут оспаривать отчет оценщика как недостоверный, однако удовлетворение такого требования само по себе не влечет иных последствий, кроме констатации его неполноты или недостоверности, поэтому дополнительно необходимо заявлять требование об определении рыночной стоимости акций и взыскании разницы между выплаченной и справедливой ценой.

Иные способы защиты также не признаются надлежащими: оспаривание решения собрания исключено ввиду отсутствия соответствующего корпоративного решения, а взыскание убытков с органов управления невозможно, так как они не принимают решений о принудительном выкупе.

При этом в подобных спорах мыслим негативный иск о признании права на выкуп не возникшим, удовлетворение которого влечет восстановление записей о миноритарных акционерах в реестре. В практике такой подход используется, когда мажоритарий лишь создает видимость соблюдения условий ст. 84.8 Закона об АО. По существу, перед нами пример запрета злоупотребления правом: сделка добровольного предложения не порождает правовых последствий, а право на выкуп считается не возникшим.

Кроме того, для защиты миноритарных акционеров потенциально применим механизм волезамещения: вместо аннулирования выкупа суд не признает его недействительным, а восполняет содержание правоотношения, устанавливая справедливую цену акций и обязывая мажоритария выплатить разницу [21, с. 1].

В российском праве похожий механизм применяется в спорах об обязательном заключении договора (п. 4 ст. 445 ГК РФ), когда воля уклоняющейся стороны замещается судебным решением. Однако в контексте принудительного выкупа его использование зависит от стадии процедуры: до списания акций спор о цене может быть разрешен судом (по аналогии со ст. 75 Закона об АО), тогда как после завершения выкупа миноритарию доступен лишь иск о возмещении убытков.

Волезамещающее решение известно и корпоративному праву: оно применяется, в частности, по требованиям о признании решения общего собрания принятым и по требованиям из корпоративного договора при нарушении неденежных обязанностей [8, с. 305].

Следовательно, разграничение способов защиты должно осуществляться на основании существа допущенного нарушения [12, с. 114-146]. Применительно к принудительному выкупу это особенно важно, поскольку нарушение состоит не в самом приобретении акций, а в недоплате справедливой цены. Следовательно, использование конструкции недействительности здесь нецелесообразно: занижение выкупной цены не порочит всю процедуру, а требует судебной корректировки содержания правоотношения. Оспаривание самого выкупа оправдано лишь при нарушении абсолютных запретов, например при недостижении установленного законом порога.

Важно разграничивать механизмы ст. 428 и 445 ГК РФ: если списание акций еще не произведено, а миноритариям известен, по их мнению, незаконный отчет оценщика, они вправе в порядке п. 4 ст. 445 ГК РФ требовать судебного определения цены выкупа до списания акций. В остальных случаях применяются п. 2 ст. 428 ГК РФ и п. 4 ст. 84.8 Закона об АО. При этом судебное вмешательство должно иметь четкие догматические основания, однако такой подход позволяет перенести спор о цене в состязательный процесс и избежать сложностей *ex post* взыскания убытков.

Заключение

Следует зафиксировать несколько выводов. Во-первых, принудительный выкуп служит правовым оформлением уже сложившейся концентрации корпоративного контроля и обосновывается потребностью в полной интеграции общества в группу контролирующего акционера и снижении издержек публичного статуса. Во-вторых, зарубежные и российские суды признают допустимость этого механизма при наличии справедливой компенсации и эффективных гарантий защиты миноритариев: распределения премии за контроль и прозрачных правил определения такой компенсации. В-третьих, по своим последствиям принудительный выкуп близок к законной экспроприации, хотя реализуется в форме частноправового договора. В-четвертых, в российском праве защита миноритария в основном носит *ex post* характер и сводится к иску об убытках по модели *appraisal remedy*: разрешая иск об убытках из п. 4 ст. 84.8 Закона об АО, суд фактически изменяет условие о цене выкупа по правилам п. 2 ст. 428 ГК РФ. В-пятых, перспективным остается использование волезамещающего судебного решения до списания акций, тогда как после него применяются механизмы ст. 428 ГК РФ и п. 4 ст. 84.8 Закона об АО.

Литература

1. Арнаутов Д.Р. Непропорциональность корпоративных прав в акционерном обществе // Вестник арбитражной практики. 2025. № 5. С. 20–29.

2. Архипов Д.А. Принудительный выкуп голосующих акций – инструмент непропорционального ограничения прав миноритарных акционеров. Так ли это на самом деле? // Вестник ВАС РФ. 2005. № 12.

3. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019.

4. Бойко Т.С. Ответственность мажоритарного акционера при вытеснении миноритариев // Корпоративный юрист. 2008. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. М.: Статут, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гетьман-Павлова И.В., Левинская И.Н. Защита прав миноритарных акционеров при слияниях и поглощениях в российском и зарубежном законодательстве // Безопасность бизнеса. 2010. № 3. С. 19–29.

7. Гомцян С.В. Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды) // Избранные труды / М.А. Гурвич; МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., Кубан. гос. ун-т. Краснодар: Совет. Кубань, 2006.

9. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020.

10. Ерохова М.А. Виды и правовые последствия экспроприации по российскому праву: обзор основных проблем // Закон. 2025. № 9. С. 157–172.

11. Забитов К.С. Гражданско-правовое регулирование принудительного выкупа ценных бумаг миноритарных акционеров по требованию контролирующего акционера: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

12. Заказнов Ю.Ю. Лишение участника корпорации права голоса: осмысление проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 9. С. 170–191; № 10. С. 114–146.

13. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве.

14. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2.

15. Кузнецов А.А. О реформировании правил приобретения крупных пакетов акций ПАО // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9.

16. Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров). [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3516667 (дата обращения: 10.12.2025).

17. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010.

18. Степанов Д.И. Судебная практика по обязательному предложению и вытеснению миноритарных акционеров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2. С. 80–129.

19. Церковников М.А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 42–47.

20. Arsht S.S., Stapleton W.K. Analysis of the New Delaware Corporation Law. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.

21. Bates T.W., Lemmon M.L., Linck J.S. Shareholder Welfare and Bid Negotiation in Freeze-Out Deals: Are Minority Shareholders Left Out in the Cold? [Electronic resource] URL: http://assets.csom.umn.edu/assets/35848.pdf (date of access: 12 January 2025).

22. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New York: Commerce Clearing House, 1932.

23. Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. Constraining Dominant Shareholders' Self-Dealing: The Legal Framework in France, Germany, and Italy // European Company and Financial Law Review. 2007. P. 491–528. [Electronic resource] URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1453&context=faculty_scholarship (date of access: 25 December 2025).

24. Čulinović-Herc E., Zubović A. Open Issues of the Squeeze out Right in Croatian and EU Court Practices // Europäisches und internationales Wirtschaftsrecht. 2013. Vol. 4. P. 159–180.

25. Frison-Roche M.A., Nussenbaum M. Note sur Cass. com., 29 avr. 1997 № 95-15.220 // Recueil Dalloz. 1998. P. 334–338.

26. Krohn M. Minority Squeeze-Outs and the European Convention on Human Rights // European Business Law Review. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 159–182.

27. Rérolle J.-F., Schmidt D. L'an I de la nouvelle expertise indépendante : réflexion critique // Revue de Droit bancaire et financier. 2007. № 5. Étude 15.

28. Robert S. La radiation de la cote. Mémoire rédigé sous la direction de Monsieur le Professeur Stéphane Torck. Paris, 2017. [Electronic resource] URL: https://mja-assas.fr/wp-content/uploads/La-radiation-de-la-cote.pdf (date of access: 12 January 2025).

Protection of Minority Shareholders During the Procedure of Squeeze-Out

Sheluntsova A.O.
National Research University «Higher School of Economics»

Despite the fact that the procedure of squeeze-out was introduced into Russian legislation nearly 20 years ago, its application continues to raise both theoretical and practical challenges, with courts often adopting opposing positions on fundamental issues. In the author's view, two principal questions remain unresolved: the legal nature of squeeze-out and the most effective mechanisms for protecting the rights of squeezed-out minority shareholders. This article examines the procedure of squeeze-out as a means of terminating corporate rights and consolidating corporate control. The aim of this article is to identify the current and potential legal remedies available to minority shareholders in squeeze-out transactions under Russian law. The paper analyzes the economic and legal justifications for this institution, its legal nature, and its correlation with lawful expropriation and with a sale and purchase agreement concluded by operation of law. Special attention is given to Russian and foreign judicial practice, as well as to the means of protection available to squeezed-out shareholders. The author concludes that Russian law predominantly follows an *ex post* model of protection, based on the claim for damages, while also recognizing the potential of preliminary judicial determination of a fair price.

Keywords: squeeze-out of shares, minority shareholders, corporate control, fair compensation, remedies.

References

1. Arnautov D.R. Disproportionality of Corporate Rights in a Joint-Stock Company // Bulletin of Arbitration Practice [Vestnik arbitrazhnoy praktiki]. 2025. No. 5. P. 20–29.
2. Arkhipov D.A. Squeeze-Out of Voting Shares as an Instrument of Disproportionate Restriction of Minority Shareholders' Rights. Is This Really So? // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation [Vestnik VAS RF]. 2005. No. 12.
3. Boyko T.S. Protection of the Rights and Interests of Minority Members of a Non-Public Company in the Law of Russia, the USA and the United Kingdom. Moscow: Statut, 2019.
4. Boyko T.S. Liability of the Majority Shareholder in Squeezing Out Minority Shareholders // Corporate Lawyer [Korporativnyy yurist]. 2008. No. 11 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
5. Gentovt O.I. Restriction of Corporate Rights as a Means of Securing the Interests of Members of Business Companies: A Monograph. Moscow: Statut, 2022 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
6. Getman-Pavlova I.V., Levinskaya I.N. Protection of Minority Shareholders' Rights in Mergers and Acquisitions under Russian and Foreign Legislation // Business Security [Bezopasnost biznesa]. 2010. No. 3. P. 19–29.
7. Gomtsyan S.V. Rules on Takeovers of Joint-Stock Companies: A Comparative Legal Analysis: A Monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2010 // Legal Reference System "ConsultantPlus".
8. Gurvich M.A. The Doctrine of the Claim (Elements, Types) // Selected Works / M.A. Gurvich; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Kuban State University. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2006.
9. Contract Law (General Part): An Article-by-Article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / A.K. Bayramkulov, O.A. Belyaeva, A.A. Gromov et al.; ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2020.
10. Erokhova M.A. Types and Legal Consequences of Expropriation under Russian Law: A Review of the Main Issues // Statute [Zakon]. 2025. No. 9. P. 157–172.
11. Zabitov K.S. Civil Law Regulation of the Compulsory Buy-Out of Securities of Minority Shareholders at the Demand of a Controlling Shareholder: Author's Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2012.
12. Zakaznov Yu.Yu. Deprivation of a Corporation Member's Voting Right: Reflections on the Problem // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2025. No. 9. P. 170–191; No. 10. P. 114–146.
13. Karapetov A.G., Saveliev A.I. Freedom of Contract and Its Limits: in 2 vols. Moscow: Statut, 2012. Vol. 2: The Limits of Freedom to Determine Contract Terms in Foreign and Russian Law.
14. Corporate Law: A Course of Study: in 2 vols. / E.G. Afanasyeva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov et al.; ed. by I.S. Shitkina. Moscow: Statut, 2018. Vol. 2.
15. Kuznetsov A.A. On Reforming the Rules for the Acquisition of Large Blocks of Shares in a Public Joint-Stock Company // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2017. No. 9.
16. Kuznetsov A.A. Challenging Resolutions of General Meetings of Members (Shareholders). [Electronic resource] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstractid=3516667 (accessed: December 10, 2025).
17. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. Moscow: Statut, 2010.
18. Stepanov D.I. Judicial Practice on the Mandatory Bid and the Squeeze-Out of Minority Shareholders // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii]. 2016. No. 2. P. 80–129.

19. Tserkovnikov M.A. On the Special Protection of the Weaker Party in a Contract of Adhesion // Statute [Zakon]. 2021. No. 9. P. 42–47.
20. Arsht S.S., Stapleton W.K. Analysis of the New Delaware Corporation Law. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.
21. Bates T.W., Lemmon M.L., Linck J.S. Shareholder Welfare and Bid Negotiation in Freeze-Out Deals: Are Minority Shareholders Left Out in the Cold? [Electronic resource] URL: http://assets.csom.umn.edu/assets/35848.pdf (date of access: 12 January 2025).
22. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. New York: Commerce Clearing House, 1932.
23. Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. Constraining Dominant Shareholders' Self-Dealing: The Legal Framework in France, Germany, and Italy // European Company and Financial Law Review. 2007. P. 491–528. [Electronic resource] URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1453&context=faculty_scholarship (date of access: 25 December 2025).
24. Čulinović-Herc E., Zubović A. Open Issues of the Squeeze out Right in Croatian and EU Court Practices // Europäisches und internationales Wirtschaftsrecht. 2013. Vol. 4. P. 159–180.
25. Frison-Roche M.A., Nussenbaum M. Note sur Cass. com., 29 avr. 1997 № 95-15.220 // Recueil Dalloz. 1998. P. 334–338.
26. Krohn M. Minority Squeeze-Outs and the European Convention on Human Rights // European Business Law Review. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 159–182.
27. Rérolle J.-F., Schmidt D. L'an I de la nouvelle expertise indépendante : réflexion critique // Revue de Droit bancaire et financier. 2007. № 5. Étude 15.
28. Robert S. La radiation de la cote. Mémoire rédigé sous la direction de Monsieur le Professeur Stéphane Torck. Paris, 2017. [Electronic resource] URL: https://mja-assas.fr/wp-content/uploads/La-radiation-de-la-cote.pdf (date of access: 12 January 2025).